

З. В. УЧАЕВ (Ишим)

СОГЛАСНЫЕ *s*, *ś* И *š* В МАЛМЫЖСКОМ ДИАЛЕКТЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Одной из характерных особенностей малмыжского диалекта марийского языка является своеобразное употребление согласных *s*, *ś* и *š*, представляющих собой самостоятельные фонемы.

Фонема *s* в малмыжском диалекте употребляется чаще, чем в литературном языке, например: *apsat* (лит. *апшат*) 'кузнец', *ukser* (лит. *укшер*) 'хворост', *pundūs* (лит. *пундыш*) 'пень', *pondas* (лит. *пондаш*) 'борода', *polđūs* (лит. *полдыш*) 'пуговица', *soyan* (лит. *шоган*) 'лук'. По употреблению фонемы *s* кильмезский говор этого диалекта приближается к литературному языку, однако полного совпадения нет, ибо в группе слов сохранился древний *s*, например: *sola* (лит. *шола*) 'левый', *sörtmūš* (лит. *шөрмыч*) 'узда', *suzar* (лит. *шужар*) 'младшая сестра', *us* (лит. *уш*) 'ум, разум', *uskal* (лит. *ушкал*) 'корова'.

Согласный *ś* характерен для диалекта, он отсутствует в марийском литературном языке, где ему соответствуют *s* и *š*, например: *jūksō* (лит. *йүксö*) 'лебедь', *pūšō* (лит. *пүсö*) 'острый', *tīše* (лит. *тысе*) 'здесь', *išār* (лит. *исыр*) 'яловая', *kaś* (лит. *кас*) 'вечер', *nūškō* (лит. *нүшкö*) 'тупой', *pikś* (лит. *пикш*) 'лук (для метания стрел)', *kūksāka* (лит. *күкшака*) 'возвышенность'.

Согласный *š* по сравнению с литературным языком в диалекте по частоте употребления уступает фонемам *s* и *ś*. Но в большом количестве слов *š* не заменяется ни *s*, ни *ś*, фонематически выступает как самостоятельная единица в звуковой системе диалекта, обладает смысло-различительным признаком, например: *šūj* 'гной' — *šūj* 'шея', *šeškem* 'искра' — *šeškem* 'моя сноха', *šülō* 'сажень (маховая)' — *šülō* 'овес'.

По вопросу об истории этих фонем в научной литературе имеются различные, подчас противоречивые, высказывания.

Как известно, в финно-угорских языках первоначально были два звука *s* — твердый и мягкий. Различие между ними наилучшим образом сохранилось в пермских и мордовских языках. Э. Сетяля¹, изучая судьбу финно-угорского *s* в различных родственных языках, пришел к выводу, что в марийском языке, очевидно, как и в финском, звуки совпали, после чего в результате развития появился *š*.

Э. Сетяля не приводит ни одного примера из марийского языка, свидетельствующего о первоначальном *s*, потому что в научном мире до Ю. Вихмана не был известен марийский диалект, сохранивший финно-угорский *s*; в большинстве же марийских диалектов произошел переход *s* > *š*. Поэтому Х. Паасонен² не мог не придти к ошибочному мнению о том, что в марийском языке финно-угорские спиранты *s* и *ś*

¹ E. N. Setälä, Zur finnisch-ugrischen lautlehre. — FUF. II 1902, стр. 271—272.

² H. Paasonen, Die finnisch-ugrischen s-laute (= MSFOu. XLI), Helsinki 1918.

почти во всех случаях перешли в *š*, за исключением единичных примеров из горного наречия. Что же касается малмыжского диалекта, то, к сожалению, его ценнейшие языковые факты остались вне внимания большинства исследователей.

Ю. Вихман во время своего исследовательского путешествия по марийскому краю в 1906 г. посетил дер. Большая Кильмезь (ныне в Кировской области), где в группе слов и теперь различаются *s*, *ś* и *š*. Ю. Вихман³ первым поднял вопрос о сохранении первоначального различия между *s*, *ś* и *š* в кильмезском говоре. Он писал, что здесь в абсолютном начале большинства слов выступает мягкий *ś*, а в других диалектах — *š*. Подобное различие наблюдается в словах с гласными переднего ряда. По мнению Ю. Вихмана, это объясняется смягчением первоначального *s* перед гласными переднего ряда, в связи с чем он в этом положении не превратился в *š* и не участвовал в звуковом изменении $s > š$; в словах же с гласными заднего ряда, напротив, в начале слова выступает *š*, например (по Ю. Вихману): *šün* 'сухожилие', *šeks* 'желчь' и т. д., но *šuzar* 'младшая сестра', *šulaš* 'таять', *šoktaš* 'просеивать'. Однако трудно объяснить при этом параллельные примеры: кильм. *suzar* 'младшая сестра', *sulaš* 'таять'.

Ю. Вихман, несомненно, прав, когда утверждает, что первоначальный *ś* в марийском языке не совпал с твердым *s*, как доказывали до него, а перешел в *š* в словах с гласными переднего ряда. Он считает, что древний *ś* совпал с первоначальным *š* (а не с *s*) еще до чувашского влияния.⁴ Уже после звукоизменения $ś > š$ марийский язык воспринял чувашские слова с *š*. В словах с гласными переднего ряда древний твердый *s* еще до $s > š$ смягчился и упомянутое звукозамещение его не коснулось.

По мнению Э. Беке, в восточных диалектах звуковое замещение $s > š$ произошло позже, чем в западных, в малмыжском диалекте оно только началось.⁵

По-новому подходит к этому вопросу Л. П. Грузов. Историю перехода $s, ś > š$ он делит на два периода. Опираясь на чувашские заимствования в марийском языке, Л. П. Грузов утверждает, что «переход $*c' > ш$ как более ранний этап изменения произошел еще до чувашского периода. Согласный *c* изменился во времена марийско-тюркских активных языковых связей ... Переход $c > ш$ был закономерным в период марийско-чувашского языкового контакта. Чувашские слова, заимствованные в ранний период, полностью подчиняются действию этого фонетического закона. Лишь в малмыжском говоре согласный *c* не изменяется, так как в нем этот закон начинает действовать позднее и в основном под влиянием диалектов, расположенных западнее его».⁶

Опираясь, с одной стороны, на сравнение общей лексики марийского, пермских и мордовских языков и, с другой, на сопоставление марийских и тюркских слов, можно прийти к определенным выводам по вопросу об истории *s*, *ś* и *š*. Какова же их судьба в первом слоге малмыжских слов финно-угорского происхождения?

Финно-угорский *s*. Как правило, перед гласными заднего ряда: он в отдельных случаях сохранил древнее качество, например: *soks* (лит. *шоки*) 'рукав', коми *sos*, удм. *sajes*; *suks* (лит. *шукки*) 'червь',

³ Y. Wichmann, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden s- und š-laute im tscheremissischen. — FUF VI 1906, стр. 17—39.

⁴ Y. Wichmann, указ. раб., стр. 20.

⁵ Ö. Beke, Zur geschichte der finnisch-ugrischen s-laute. — FUF XXII 1934, стр. 90—122.

⁶ Л. П. Грузов, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола 1969, стр. 159—160, 193.

морд. *suks*; *sūla-š* (лит. *шулаш*) 'таять', морд. *solams*, удм. *šilmini*, коми *šjoni* (~*sil*-), фин. *sulaa*.

Перед гласными переднего ряда финно-угорский *s* (как отметил Ю. Вихман) смягчился, например: *šeks* (лит. *шекш*) 'желчь', эрз.-морд. *sepe*, коми *sep*, фин. *sappi*; *šün* (лит. *шён*) 'жила, сухожилие', морд. *san*, коми, удм. *sen*, фин. *suoni*. Однако смягчение финно-угорского *s* в диалекте ограничено незначительной группой слов, причем в уржумском говоре эти же слова употребляются с твердым *s*: *seks*, *sön* (произношение *seks* зарегистрировано автором и в дер. Мари-Малмыж Малмыжского района Кировской области).

Примеры подтверждают, что диалект в ряде слов отражает первоначальный звук и что переход *s* > *š* совершился не во всех диалектах марийского языка. Главным условием сохранения финно-угорского *s* стало его положение: он обычно выступает перед гласным заднего ряда.

Финно-угорский *ś*. Господствует мнение, что марийский язык якобы не отражает первоначального *ś*. По Ю. Вихману, *ś* в диалектах возник под влиянием чувашского языка.⁷ Э. Беке считает, что из финно-угорского *ś* во всех марийских диалектах развился *š*.⁸ Однако можно утверждать, что малмыжский *ś* в группе слов служит непосредственным продолжением первоначального *ś*, сохранению которого способствовало его фонетическое положение: как в малмыжских, так и в финских словах за начальным согласным следует тот или иной гласный переднего ряда, кроме того, некоторые другие родственные языки также сохранили древний гласный. В следующих словах сохранился финно-угорский *ś*: *šöräš* (лит. *шөраш*) 'откручивать; расстраивать; отговаривать', фин. *sirottaa* 'отстранять', удм. *serini* 'нарушать связь'; *šüj* (лит. *шүй*) 'гной', коми, удм. *šiš*, морд. *säj*; *šülö* (лит. *шүлө*) 'сажень (маховая)', фин. *syli*, мокш.-морд. *šel*, эрз.-морд. *sel*, удм. *sul*, коми *šiv*; *šerenge* (лит. *шереңге*) 'сорожка, плотва', фин. *särki*, мокш.-морд. *šarǵe*.

В этом отношении нельзя не согласиться с мнением Л. П. Грузова: «В большинстве марийских диалектов чувашское *ç* совпало с соответствующим твердым согласным, так как смягченного *ç'* к моменту заимствования в них уже не было. В малмыжском, кильмезском и некоторых других восточных говорах картина была несколько иная. В них, по всем данным, *ç'* в тот период было, оно, правда, могло выступать в качестве частного оттенка (перед гласными переднего ряда) фонемы *ç*. Под влиянием сильной чувашской струи этот согласный получает новое развитие, приобретает самостоятельный характер».⁹

Финно-угорский *š*. В родственных языках произошли определенные изменения в замещении первоначального *š*. И. Синьбеи указывает, что в прибалтийско-финских языках он перешел в *h*, в эрзя-мордовском в *č*. В пермских и марийском языках древний *š* сохранился¹⁰, например: *šobo* 'кислый', фин. *hapan*, мокш.-морд. *šapama*; *šuar* 'ступа', фин. *huhmar*, мокш.-морд. *šovar*.

О переходе *s*, *ś* > *š*. В большой группе слов диалекта первоначальные *s* и *ś* на марийской почве перешли в *š* перед гласными как переднего, так и заднего ряда, например: *šolo* 'вязь', мокш.-морд. *šäli*, фин.

⁷ Y. Wichmann, указ. раб., стр. 20.

⁸ О. Беке, указ. раб., стр. 113.

⁹ Л. П. Грузов, указ. раб., стр. 158.

¹⁰ J. Szinyei, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Berlin—Leipzig 1922, стр.

salava; *šordo* 'лось', эрз.-морд. *šardo*; *šen* 'трут', удм. *šeñki*, фин. *sieni*. Подобных примеров можно привести много.

Единичные случаи составляют исключение, например, диал. *š* развился из домарийского *s*: *šaš* (лит. *шыаш*) 'успеть, достичь', фин. *saada*, морд. *savoms*, коми *suni*; *šu* 'щетина', коми *su* и т. д.

Вероятно, перед гласными заднего ряда согласный *s* мог перейти в *š* непосредственно, без смягчения, о чем свидетельствует разное произношение одного и того же слова, например: *sorük* и *šorük* 'овца', *songo* и *šongo* 'старый, старик', *suzar* и *šuzar* 'младшая сестра'. Но при этом отдается предпочтение словам с начальным *s*.

В малмыжском диалекте сохранились особенности финно-угорского консонантизма, об этом свидетельствует, в частности, наличие первоначальных согласных *s* и *š* языка-основы, перешедших в литературном языке в *š*. Наряду с этим в данном диалекте отчетливее проявляется иноязычное влияние — иноязычные слова сохранили качество согласных в более полном виде. Примеры с согласным *s* в начале слова: *sapał* (лит. *шагал*) 'мало' (< чув.), *salanaš* (лит. *шаланаиш*) 'распасться' (< чув.), *sandal* (лит. *шандал*) 'наковальня' (< тат.). Примеры с согласным *š* в начале слова: *šürpm* (лит. *пуш*) 'угар, чад' (< чув.), *šaβraš* (лит. *савыраиш*) 'повернуть' (< чув.), *šakaš* (лит. *сакаиш*) 'вешать' (< чув.).

Одним словом, чувашский согласный *ç* в луговом наречии не мог утвердиться как самостоятельная фонема. Очевидно, как утверждает Х. Паасонен, ко времени заимствования чувашских слов в луговом наречии исчезло различие между *s* и *š*. В малмыжском же диалекте это различие и в финно-угорской лексике до сих пор хорошо сохраняется, поэтому чувашские слова с характерным им звуком *š*, опираясь на твердую звуковую почву диалекта, смогли укрепиться без существенных изменений. При этом вряд ли можно говорить, как это делает Ю. Вихман, о распространении влияния *ç* на финно-угорскую лексику в марийском языке. Выше показано, что в собственно марийских словах употребление *š* в основном зависит от переднеязычности последующего гласного.

В чувашских же заимствованиях наличие *š* вообще не связано с его фонетическим положением в слове. Этот звук может употребляться перед гласными как переднего, так и заднего ряда. Можно с уверенностью сказать, что чувашский *š* в малмыжском диалекте существовал параллельно с финно-угорским *š*. В малмыжском, кильмезском и некоторых других восточных говорах, как пишет Л. П. Грузов, смягченный *š* мог выступать как частный оттенок фонемы *s* перед гласными переднего ряда.¹¹

О времени замещения. Если к моменту марийско-чувашского языкового соприкосновения в луговом наречии финно-угорский *š* лишился мягкости и совпал с твердым *š*, то в малмыжском диалекте он и в тот период сохранял свою мягкость. Этим можно объяснить возможность проникновения в язык малмыжских мари иноязычного звука *š* в словах с гласными как переднего, так и заднего ряда. В луговом же наречии *š* везде замещен твердым *s*. Диалект показывает другой процесс. Здесь финно-угорский и чувашский *š*, встретившись, продолжали существовать, поддерживая друг друга. При этом чувашский *š* (*ç*) подвергся некоторым качественным изменениям, потеряв на марийской почве свою шепелявость. Поскольку чувашские заимствования не пре-

¹¹ Л. П. Грузов, указ. раб., стр. 158.

терпели перехода $\acute{s} > \check{s}$, то можно утверждать, что финно-угорский \acute{s} в марийском языке развился в \check{s} (за некоторыми исключениями, где он сохраняется до сих пор) до начала чувашского влияния, ибо чувашский \acute{s} в луговом наречии в большинстве случаев замещен твердым *s*.

Поскольку в тюркских заимствованиях этого диалекта переход $s > \check{s}$ наблюдается лишь в редких случаях и, вероятно, только в позднейшее время, то можно сказать, что изменение первоначального $s > \check{s}$ произошло до марийско-тюркского языкового контакта. В луговом наречии и в кильмезском говоре замещение имело место и в последующее время. Об этом, в частности, говорят чувашские и татарские заимствования, в которых произошел $s > \check{s}$, для малмыжского же диалекта такой процесс не характерен.

ПОСЛЕЛОГИ В СРЕДНЕВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Z. V. UČAJEV (Išim)

DIE KONSONANTEN *s*, *ś* UND *š* DER MALMYŽER MUNDART DER MARISCHEN SPRACHE

Der eigenartige Gebrauch der Konsonanten *s*, *ś* und *š* ist eine der charakteristischen Besonderheiten der Malmyžer Mundart der marischen Sprache. Wie bekannt, sind die ursprünglichen Laute *s* und *ś* in den meisten marischen Mundarten in *š* übergegangen. Aber die Malmyžer Mundart hat einige Besonderheiten des finnisch-ugrischen Konsonantismus gut erhalten. Davon spricht z. B. das Vorhandensein des ursprünglichen Konsonanten *s* in ihm. Außerdem hat sich zum Unterschied von den anderen Mundarten der tschuwaschische Konsonant *ś* in der Malmyžer Mundart als selbständiges Phonem erhalten und wird wie vor den Vorder- so auch vor den Hintervokalen gebraucht.

Удмуртские послелоги делятся на простые и сложные. Многочисленные послелоги средневожостчных говоров функционально можно группировать по двум основным критериям: 1) какие падежом знаменательного слова управляют и 2) какие отношения выражают в сочетании с этим словом.

Большинство послелогов сочетается с именительным падежом (послелог оформляется лично-притяжательными аффиксами и формантами вокативных падежей): *busi šorŋi* 'на середине поля', *busi šorŋis* (лит. *busi šorŋis*) 'с середины поля' (исходный падеж), *busi šorŋisen* (лит. *busi šorŋisen*) 'со середины поля' (отдаленный падеж), *busi šorŋi* 'на

¹ Современный коми язык. — Спасский 1965, стр. 264—266; Коми-пермийский язык. — Куликов 1962, стр. 302—304; К. Е. Майтискал, Венгерский язык. I, Москва 1955, стр. 274—275; А. И. Селинкова, Простые серийные послелоги мансийского языка. — Проблемы лингвистического анализа, Москва 1956, стр. 147—148; Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 319—321.

² D. Fokos-Fuchs, Urali es altaji őszehasonlító szintaktikai tanulmányok. — Nyk 63 1961, стр. 75—77.

³ G. Bárcsi, Anyanyelvünk magyarsága. — Nyk 60 1956.

⁴ В. А. Серебряников, Историческая грамматика пермских языков, Москва 1961, стр. 355; K. Rádai, Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Woljakischen, Budapest 1962, стр. 201, 207, 212.